

На грани жизни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Липницкий

Николай Липницкий

На грани жизни

«Автор»

2008

Липницкий Н. И.

На грани жизни / Н. И. Липницкий — «Автор», 2008

Книга о людях, волей судьбы оказавшихся на чужой войне. Содержит нецензурную брань.

© Липницкий Н. И., 2008

© Автор, 2008

Предисловие

Об этой моей командировке, оставившей огромный шрам в моей жизни, я хотел написать давно, да всё как-то не решался. Слишком тяжелы для меня эти воспоминания даже спустя много лет. Но написать об этой войне я был должен, так как давно дал себе слово. Слишком часто дела и поступки людей, которых с полной уверенностью можно назвать настоящими, остаются неизвестными большинству. Народу, почему-то, больше интересны перипетии жизни различных ударников капиталистического труда и работников шоу бизнеса. Но писать было трудно. Поэтому для начала я делал небольшие зарисовки, которые вошли в сборник под названием «Война, которой не было». И уже после этого приступил к созданию этого рассказа. Кое-что в этом рассказе может показаться возмутительным, неприемлимым или неприятным. Можно с чем-то соглашаться или не соглашаться. Но я пишу о войне, которая никогда не делается в белых перчатках. Это трудно понять, имея представление о войне только из сюжетов в художественных фильмах или новостных сюжетах. Это совсем по-другому. Это гораздо прозаичнее и страшнее.

НА ГРАНИ ЖИЗНИ

Военно-транспортный самолёт АН-12 скользнул на крыло и стал резко терять высоту. За стеклом иллюминатора в свете отстреливаемых сигнальных ракет проплыли острые выступы скал и, наконец, мелькнул длинный язык взлётной полосы. Под ложечкой противно зануло. Николай нервно сглотнул подступающую к горлу тошноту и поёрзал на неудобной откидной скамье, протянутой вдоль борта. «Да...» – подумал он: «Это не ИЛ– 86 и даже не ТУ-134. Больше напоминает трактор «Беларусь» на хлопковом поле. Да и то, если он попытается взлетать. Скамью могли бы и помягче сделать. Задница за два часа полёта квадратной стала. Это тебе не кресла в аэробусе. Эта посадка больше похожа на падение. Но не может же быть такого? Мы же не падаем? Скорее бы уже сесть на аэродроме». Коля огляделся вокруг, скорее для придания своим мыслям большей уверенности, чем из любопытства. Да и чего любопытствовать, когда эту картину он наблюдал всё время полёта. Везде на скамьях сидели офицеры, прапорщики, солдаты в полевой форме, и у всех на лицах читалось то же, что и промелькнуло в голове у Николая. Люди тревожно ёрзали на своих неудобных сиденьях, нервно сжимали в руках автоматы и крутили головой вокруг. Все явно нервничали. Да нет. Не все. Недалеко, по-хозяйски развалившись на ящиках и мешках, спокойно отдыхала группа военнослужащих в потрёпанной полевой форме без знаков различия. Несколько человек играли в карты, кто-то дремал, а кто-то, закончив чистить автомат, занимался его сборкой. Невысокий смуглый парень встретился взглядом с Николаем и, видимо прочитав на лице всё, ободряюще улыбнулся.

– Не дрейфь, браток, не упадём. В первый раз в наши края?

– Впервые. А почему в ваши?

– А мы уже здесь, как у себя дома. Второй год ковыряемся. В гробу я такой дом видал. А к такому способу посадки привыкнешь. Неприятно, конечно, зато жизнь продлевает.

– Это как? Полезно, что ли, для организма?

– Полезно? – неожиданно развеселился смуглый – Конечно полезно. Если бы эта колымага, как на большой земле, на посадку заходила, её бы уже раз двадцать сбили. Такой подарок духам был бы.

– Как это сбили бы? Кто? – Николай от неожиданности даже забыл о тошноте.

– Духи, кто же ещё. Э-э, браток, да ты, я вижу, не знаешь, куда едешь. Война здесь.

– Какая война? Мне сказали, конечно, что здесь спокойно. Но всё под контролем, да и вообще, это нас не касается. Где-то в другом месте стреляют, но там МВД занимается. Какая ещё война?

–Самая, брат, обыкновенная. Здесь везде стреляют. Я, вот, с ребятами из госпиталя еду, с большой земли. Там, будь уверен, не ангину лечили. Да ты расслабься. И на войне люди живут. Голова на плечах будет – ещё внуков женишь. Не суйся, куда не надо – и всё... Меня Ринатом зовут. Лейтенант. Командир взвода сопровождения. У нас часть под Агдамом стоит.

–Николай. Автобат. Командир роты. А где часть, я и сам не знаю. На аэродроме встретят.

–Так мы, Коля, глядишь, ещё и увидимся. Может в рейсы вместе ходить будем. Всё. Сели. Сейчас на рулёрку завернём и выходить будем. Давай, бывай здоров. Свидимся.

Как ни странно, разговор отвлек Николая от тягостных мыслей и неприятных ощущений. Ошутимый толчок, усиливающийся рёв двигателей самолёта, вкус алюминиевой ложки во рту, тяжесть во всём теле и, вдруг, тишина, мгновенно заполняемая шумом возни пассажиров. Бортмеханик вышел из кабины и, пройдя в хвост самолёта, стал возиться с механизмом откидной аппарели. Зажужжал компрессор, и аппарель, дрогнув, поползла вниз. Яркий солнечный свет ворвался в глубь салона, заставив сощуриться. Вместе с ним в салон проник морозный воздух, расцветенный запахами подгоревших тормозных колодок, масел, керосина и чего-то ещё. Николай в толпе пассажиров вышел из салона и пошёл по гулкой аппарели в низ. Местный полевой аэродром буквально ошеломил Колю. Прямо на лётном поле кучками сидели на чемоданах и вещмешках солдаты. Десантная группа грузилась в десантную вертушку. Недалеко, с такого же АН-12, сгружали какие-то ящики, а рядом, на другой самолёт, грузили раненных. Строем прошло подразделение под командой, по киношному, усатого старшины. Между вертолётов, грустно обвисших лопастями, устало матерились технари. Толпа прилетевших побрела среди машин, снующих туда-сюда и деловито бегающей obsługi аэродрома. Голова после разговора с Ринатом была до звона пуста, и в этой звенящей пустоте эхом металась одна единственная мысль: «Вот попал, так попал!». Этот сволочь из штаба полка так красиво заливал про прелести командировки на Кавказ и преимущества азербайджанского вина! Да и сам хорош! Да, Коля конечно слышал про то, что где-то здесь вдруг возник конфликт между азербайджанцами и армянами. Не поделили чего-то. Но ведь это ведь они не поделили. Так пускай делят. А мы здесь при чём. Да и происходило это где – то на другой планете, где Николаю и быть не надо. Это там всякие Гондурасы, Никорагуа и Сектор Газа, там война и убивают людей. А для него война закончилась в сорок пятом, когда Коли ещё и близко в проекте не было. Нет, конечно, ещё Афган был. Но он как – то обошёл Коляна, не задев, практически, ни с какой стороны. Друзья там не были, да и сам Коля благополучно отслужил срочную в Рязанском полку ВДВ и поступил в военное училище, под самый выпуск и случился вывод войск. Так что война потенциально Николаю не грозила, а значит и реальной была постольку – поскольку. А тут вляпался по самое никуда. Приехал, называется в командировочку с открытой обратной датой.

Ринат не торопясь выбрался из неудобного салона АН – 12, со стороны, с интересом рассматривая разношёрстную толпу вновь прибывших. Растерянные лица солдат, нарочито строгие – офицеров. За всем этим ясно читалась неуверенность и смятение. Какой-то майор, выстроив прямо на поле группу солдат, цветистым матом перечислял все кары, которые он нашлёт на солдата, расстегнувшего верхнюю пуговицу воротника. Ну, мастер! Таких многоэтажных матов Ринату давно слышать не доводилось. Жаль, не дали ему закончить. БТР, лихо уворачивающийся от снующих прямо под колёсами военных, чуть не влетел прямо в строй. Сидевший на броне краснолицый дядька без знаков различия сипло обложил самого майора на предмет: «Надо знать, где людей своих строить» и «Понаехали тут». Майор смешался и быстро увёл своих людей с аэродрома. Спектакль закончился, и нужно было искать попутку, чтобы доехать до своей части. Ринат двинулся к выходу с лётного поля и тут заметил санитарную «таблетку», стоящую возле какого – то «борта». Несколько солдат таскали внутрь носилки с ранеными, деловито суетились санитары, а под фюзеляжем спряталась от ветра маленькая женская фигурка в солдатском бушлате, одетом поверх относительно белого халата.

–Ксюха! Сколько лет, сколько зим!

–Ринат! Привет! Дай я тебя расцелую. Как ты? Как рука? У тебя же плечо всё разворочено было.

–Ничего. Биопротез поставили. Видишь, как настоящая.

–Как биопротез?

–Элементарно, Ватсон! Изобрели, а попробовать не кому. Вот я и дал пришить. Всё хорошо, только на женщин реагирует.

–Убери руки, болтун! А я и уши развесила. Даже не верится, что мы тебя здесь грузили на борт, а ты в беспамятстве всё автомат искал. А сейчас лапшу на уши вешаешь живой и здоровый.

–Кстати об автомате. Ты знаешь, на большой земле прекрасно без него обходился, а сейчас, как голый.

–У меня в таблетке мой лежит. Если так необходимо, возьми пока поносить.

–Меня захватишь до части?

–Подожди. Улажу формальности и назад. Нет, ну всё-таки выглядишь, как огурчик.

–Как мой аккордеон? Не пропили ещё?

–Нет. Я его подальше закинула. Видеть его не могу. Ты помнишь, Михалыч с большой земли водку привёз, мы пир с танцами закатали. Ты так играл! А через день тебя привезли в госпиталь. Горшков прямо так и сказал: «Не жилец. Если даже и живой останется, руку всё равно оттяпают». Оптимист! Я этот аккордеон видеть больше не могла. Да у нас и не играет никто, кроме тебя.

–Вот это вернее. А то развела нежности. Вы меня точно тогда уже заочно в груз 200 записали. Положили с восемью цинками. Приятное соседство.

–Ты посмотри, он ещё и недоволен! Иди, прогуляйся пока. Я быстро.

Ринат пошел прогулочным шагом по полю, ища среди сонма разномастной толпы знакомые лица.

–Ринат! Ты? – навстречу с распростёртыми объятиями выскочил бывший однокурсник Санька Лошак. – Мне сказали, что ты погиб. Я тебя уже несколько раз помянуть успел.

–Тебе дай только что выпить, ты и бабушку свою каждый день поминать будешь. – прохрипел Ринат, вылезая из крепкого объятия Саши.

–А что? Дело то хорошее. Да ты рассказывай. Меня что, обманули?

–А ты и расстроился. Да ладно, шучу. Что рассказывать? Зацепило крепко меня. Здесь в госпитале вообще даже и не брались, сразу первым же бортом на большую землю. Так спешили, что даже в «Чёрный тюльпан» запихали. А там под доцента попал из военно– медицинской академии, который на таких ранениях диссертацию готовил. Он на мне так натренировался, что, наверное, профессором сразу стал. А ты чего здесь? Летишь куда?

–Да нет. Встречаю пополнение с большой земли. У нас автобат сводный формируется. Должны были прилететь несколько офицеров и солдат. Вот, высматриваю.

–Да это со мной ребята летели. Я с одним познакомился. Пошли.

Они двинулись сквозь хаос толпящихся людей, по-хозяйски раздвигая плечами зазевавшихся пассажиров и встречающих.

–Коля! Рано мы с тобой попрощались. Познакомься, это Саня. Он за вами приехал. Всё, сдал из рук в руки. Давайте, мужики, будьте здоровы. Я побежал, а то там меня уже, наверное, Ксюха обыскала. Саня, береги Колю.

Ринат побежал назад к «таблетке», где медсестра Оксана уже беспокойно оглядывалась вокруг

Хлопнула дверь кабины и ЗИЛ – 131 влился в колонну машин, выезжающих с территории аэродрома. Заглушая все остальные звуки, над землёй пронеслась пара МИГов, пророкотал тяжёлый вертолёт. Николай, сидя на жёсткой (когда уже кончатся эти жёсткие скамьи!) скамье, из-под полога кузова старался осмотреться. За ними пристроились Урал и два КамАЗа. Хму-

рый солдат закрыл за ними шлагбаум. Проплыл мимо укрепленный блокпост, над бруствером которого курился дым. В кузов машины ветер забросил аромат испеченного хлеба.

–Хлеб пекут, – сказал кто – то из глубины кузова.

Опять воцарилась тишина. Все вокруг выглядели подавленными, и, казалось, никак не могли прийти в себя. Войну хорошо смотреть по телевизору. Оказаться же в ней сразу после жизни в мире, казавшемся незыблемым – слишком большая нагрузка на мозги. Из-за блокпоста этаким динозавром вынырнул танк и пристроился сзади колонны.

–Там впереди ещё один, а в середине – БТР, – опять донеслось из середины кузова.

–Хоть одно успокаивает – нас охраняют, – ответил кто-то.

Несмотря на морозец, снега не было, трасса была чистой, и колонна ходко петляла по горной дороге. Мимо проносились горы с заснеженными вершинами. Низкие тучи цеплялись за острые выступы скал, оставляя на них клочья ваты. Время от времени попадались блокпосты, на которых солдаты, пользуясь тем, что колонна замедляла ход, кричали, перебивая друг друга: «С Рязани есть кто? С Ашхабада, с Ашхабада есть земляки? Куйбышев! Казань!» С машин им что-то отвечали, и это всё напонило Николаю базар в его родном южном городе. Звенящая пустота в голове стала заполняться мыслями, сначала отрывистыми и путанными, потом всё более систематизированными. Вспомнилось, как его вызвали к командиру полка, и седоватый, грузный полковник Гицу, глядя в сторону, почему-то несвойственным ему неуверенным голосом сообщил о командировке и сразу же отправил к замполиту. Вспомнилась и слашавая словоохотливость замполита, расхваливающая прелести «командировочки» (так, месяца на два) в компании азербайджанского вина и кавказского гостеприимства (я и сам бы поехал, да начальство не отпустит). Где-то в горах, как на ксероксе размноженная эхом, разнеслась дробь автоматных очередей, что-то глухо бухнуло несколько раз. «Похоже, я здесь на своей шкуре испытую это кавказское гостеприимство», – мелькнуло в голове. Руки рефлекторно сжали автомат, стоящий между ног.

–Чего без толку за автомат хвататься – произнес Толик, сослуживец из соседней роты – всё равно патронов нет.

–Вот сволочи – выругался Николай – ведь знали, куда отправляют. Могли бы и патроны дать. Хоть на один магазин.

–Что знали – это факт. Помнишь, как замполит юлил? А патроны не дали, чтобы мы с тобой не отказались ехать. Поняли бы, что к чему и забастовали бы.

–Да всё равно бы поехали. Тут забастуешь! Быстро из армии вылетишь.

–А я, если бы знал, куда отправляют, сам бы рапорт написал об увольнении.

–Я, когда срочную служил, рапорт в Афган писал. Командир роты вызвал меня, рапорт на клочки порвал, дураком обозвал и в наряд в столовую отправил.

–Тогда мы и были дураками. Молодыми дураками. Да и ни семьи, ни детей. А сейчас, что со мной случись, моей Таньке куда с детьми?

Мысли сразу же приняли другое направление. Вспомнился дом, семья, и душу обдало чем-то тёплым и приятным. Мимо проплыл очередной блокпост, потом мелькнули вырытые окопы. Вдоль дороги потянулся периметр колючей проволоки, за которой на позициях расположились артиллерийские орудия. Неподалёку стояло несколько вагончиков, между которыми деловито сустились солдаты. Дальше можно было разглядеть парк боевой техники. Следом потянулись ряды палаток, перемежающихся вагончиками-модулями, больше похожими на большие цистерны, уложенные на землю. Их машина замедлила ход и, дав прощальный сигнал остальным, вынырнула из колонны. Где-то впереди, лязгнув, открылись ворота, и они въехали на территорию военного лагеря. Хлопнула дверь кабины, и раздался голос Саньки: «Всё, приехали! Вылезаем!»

Командир батальона спецназа майор Говорухин, или просто Батя, уже давно должен был ходить в чине полковника. Однако природная неуступчивость и обострённое чувство правды

сыграли с Игорем Сергеевичем злую шутку. Блестящий офицер, заработавший в Афганистане два ордена Красной Звезды, он мешал всем в мирной жизни. Настоящим спасением для него явился перевод в Бакинский мотострелковый полк. Многомесячная осада полка, выход с боем... Говорухин оказался здесь, словно рыба в воде. Ну и вершиной таланта Бати явилось создание на базе простого разведывательного батальона мотострелкового полка батальона спецназа. Именно такого спецназа, в котором он прошёл Афганскую войну.

Невидящим взглядом Батя уставился в карту, а перед глазами одна за другой проплывали картины прошлого. Вот Говорухин – молоденький лейтенант, выпускник рязанского военного училища воздушно-десантных войск, с интересом смотрит на утренний Кабул, слегка подёрнутый дымкой тумана. Говор на незнакомом языке, аляписто раскрашенные автобусы, странная одежда местных жителей, женщины в чадрах и, режущие глаз своей инородностью, как заноза в теле, танки на перекрёстках. Впрочем, ничто не предвещало близкой войны. Советские солдаты, «шурави», без боязни ходили по базарам и слепли от изобилия в местных дуканах. Да, после скудного выбора товаров на родине, это множество совершенно доступных электронных часов, карманных калькуляторов, портативных магнитофонов, джинсов, батников, кроссовок, да чёрт знает, чего ещё, действительно подавляло. Кто же мог тогда подумать, что через пару дней начнётся десятилетняя афганская война, унесшая тысячи жизней простых советских парней.

Комбат очнулся от своей мысли и потянулся за алюминиевой кружкой, стоящей на столе. Батя любил чай и пил его практически непрерывно. Кружка была пуста и он, чувствуя хлынувшую в душу досаду, крикнул: «Писарь! Опять у меня кружка пустая! Я тебя в строй поставлю! Ты у меня по горам до кровавых мозолей наскачешься!» Писарь, привыкший к таким угрозам невозмутимо подскочил к столу и наполнил кружку. Кузнецов закурил беломорину, глотнул горячий чай и откинулся спиной на стенку обшарпанного модуля, служившего одновременно штабом батальона и жильём. Взгляд упёрся в висящую с потолка на шнуре одинокую лампочку, и Батя с улыбкой вспомнил, как его бойцы притащили с рейда хрустальную люстру и долго уговаривали повесить её в штабе. Всё закончилось тем, что крюк, вбитый в хлипкое ДВП, не выдержал, и только что повешенная люстра рухнула на пол и разбилась.

– Ты, командир, чего такой весёлый?

В комнату ввалился капитан Прошин, начальник штаба батальона.

– Да вот, вспомнил, как мы хотели люстрой наш интерьер разнообразить. Ты подтяни начальника разведки. Давай подумаем вместе, как нам этого Магомеда известить. Я из-за него запарился на ковре у начальства стоять. Да и пацанов жалко. Такие потери из-за этого ирода.

Комбат проводил взглядом начальника штаба и вновь упёрся взглядом в карту. Только теперь мысли его не блуждали по Кабулу 1979 года, а получили вполне конкретное направление. В районе действия соединения работают несколько басмаческих банд, не имеющих единого командования и координационного центра. Идеи никакой они не преследовали. Одно стремление – грабёж. В принципе, хлопот с ними больших не было. В боевых выходах банды периодически уничтожались, на их месте возникали другие. Всё текло своим чередом и стало уже привычным. Да тут, если подумать, что ни аул, то своя банда. Придётся в аул – смотрят честными глазами и на жизнь жалуются. Слезу прошибает, как они страдают от местных бандитов. А сами норовят за автомат и на «большую дорогу». Всё бы ничего, если бы не появилась в этих местах банда Магомеда. Эта банда появилась сравнительно недавно и отличалась особой жестокостью и изобретательностью. Их не столько интересовали трофеи и оружие, сколько они стремились к полному нашему уничтожению и каждой своей дерзкой вылазкой вселить в нас ужас. Они нападали на колонны, отдельные машины, блокпосты, стараясь захватить как можно больше пленных, трупы которых со следами жестоких пыток находили наши бойцы. Выловить эту банду стало делом чести для спецов. В ход пошло всё. Но банда оставалась неуловимой.

Эти несколько дней, первых на войне, совсем выбили Николая из сил. Организационные вопросы, формирование роты, приёмка с НЗ новых КамАЗов, их техническое обслуживание. Казалось, всё это никогда не кончится. Непривычным здесь было всё, от образа жизни до образа мыслей. Но самым неудобным для офицеров после своих воинских частей было достаточно вольное отношение к субординации, усугубляемое тем, что половина не носила на форме знаков различия. (Оказывается, при проведении боевых операций, или при возможном боестолкновении, знаки различия снимаются. Однако от постоянного сгибания и разгибания усики на звёздочках и на кокардах ломались, а ближайший военторг находится на большой земле. Вот и отличил офицера от прапорщика, а, порой и молодого офицера от солдата. Тут ещё притирка коллектива. Шутка ли: все, от прапорщика до последнего солдата, из разных частей и гарнизонов. Хорошо ещё, что зампотехом роты у него однополчанин, лейтенант Толик Мальцев. Толян ещё в части нравился Николаю своим неунывающим характером. А здесь за эти дни они очень крепко сдружились. Солдатам определили место под палаточный городок, а командному составу выделили два облезлых модуля. В первый же день своего пребывания в лагере война показала им своё звериное лицо. Солдаты устанавливали палатки под бестолковые команды командиров взводов, Коля с Толиком обустраивались в своём модуле, когда шум голосов прервал это занятие. Выскочив на улицу, офицеры увидели толпу военнослужащих, спешащих к КПП лагеря.

–Что случилось? – спрашивал каждого, кто попадался на пути Николай. Люди отмахивались и спешили мимо. Фантазия услужливо рисовала картины, одна страшнее другой.

–Сразу видно, что новенькие, – наконец откликнулся какой-то военный, – наши с боевого выхода возвращаются. С ближнего блокпоста передали. Сейчас подойдет.

Ребята, смешавшись с толпой, тоже стали глядеть на дорогу. Наконец вдали показалась колонна из трёх БТРов с людьми на броне.

–Не дай бог, убило кого, – произнёс один из встречающих с биноклем, – на передке первого БТРа что-то привязано.

Толпа замерла в тревожном ожидании. Колонна приближалась, и уже через несколько минут невооружённым глазом можно было увидеть что-то длинное, завёрнутое в брезент. Край брезента, плохо закрепленный, трепался по воздуху. Ворота КПП открылись, и боевые машины въехали на территорию лагеря. Толпа с тревожным гулом расступилась. На броне сидели усталые, чумадые солдаты. Сверху прыгнул командир взвода и подошёл с докладом к высокому военному без знаков различия, видимо ротному.

–Кого? – оборвал доклад ротный.

–Смирнов, – так же коротко ответил командир взвода, – уже на выходе из боя. Сразу наповал. Даже не пикнул.

–Напишешь подробный рапорт. Схему приложишь. Занимайтесь, – глухо произнёс сразу осунувшийся ротный и, ссутулившись, как будто взвалив на себя непосильную ношу, пошёл прочь. И тут из толпы раздался вопль. Какой-то боец рванулся из толпы к машине, вцепился руками в окоченевшее тело и запричитал:

–Сёма! Что же ты? Да как же так? Что я тёте Вере скажу? Ты же мне как брат был! Гады! Стрелять их всех! Их давить надо! Всех давить! Что же это, Сёма? Как же ты так не уберёшься? Гады! Стрелять их!

Он рванул к ближайшему солдату и попытался сдёрнуть автомат с его плеча. На нём повисло несколько человек, но боец всё старался вырваться. Солдаты отвязали тело и понесли куда-то вглубь лагеря под стенания друга погибшего, который всё рвался то к Сёме, то мстить... Тело погибшего мерно покачивалось в такт шагам, а из-под отогнутого края брезента в небо глядели невидящие глаза молоденького солдатика. Его обескровленное лицо ещё долго стояло перед глазами.

Этот случай заставил Николая задуматься над тем, что в ближайшем будущем и ему со своим подразделением, возможно, придётся оказаться в бою. Здесь то он и вспомнил про Сашу Лошака, того самого офицера, с которым на аэродроме его познакомил Ринат. Санька с готовностью согласился быть консультантом. Вдвоём они быстро составили программу подготовки роты к боевым действиям, и Николай стал внедрять её в жизнь. Солдаты тренировались молча, недовольно сверкая глазами, а прапорщики почти открыто роптали, ссылаясь на другие роты, где люди спокойно готовили свои машины и отдыхали в свободное время. Коле и самому не очень улыбалось всё своё свободное время убивать на эту подготовку, но лицо убитого солдата постоянно стояло перед глазами, а впереди был первый рейс через раздираемую кровавой междоусобицей страну, и очень хотелось жить самому и сохранить жизнь своим солдатам. Санька часто забегал в модуль к ребятам и, рассказывая о боях, в которых ему приходилось участвовать, практически передавал им свой опыт. Рассказывал Лошак о зверствах духов. В этих краях жестокость по отношению к врагам исторически являлась вполне нормальным явлением. Во время первых рассказов Саши, Коле казалась ужасной та ответная жестокость со стороны наших солдат. Однако потом он начинал понимать, что, находя своих друзей истерзанными, со следами жестоких пыток и издевательств, солдаты просто не могли не ожесточиться душой. И эта эфемерная идея урегулирования межнациональной розни уже после первых потерь перерастает в реальное оправдание своей войны с духами: «кровь за кровь». Естественно, Николай совершенно не был готов сейчас идти и резать всех подвернувшихся под руку «духов». Он понимал солдат умом. Но душа всё равно протестовала.

–Ничего, – усмехнулся на это Санька, – это до первой потери. Как своего будешь по кускам собирать, так и сердцем поймёшь. Вы, вот, наших спецназовцев за жестокость осуждаете. Не отпирайся, Коля, осуждаешь. Недавно ты такой обличительной речью разразился, мол, не надо уподобляться этим зверям. Так, мол, недолго и самим в зверей превратиться. А вы знаете, что наши спецы чуть ли не в каждом рейде на трупы наших натываются. И видят, через какие мучения им приходится пройти перед смертью. Бывает, с рейдов в мешках куски пацанов приносят, чтобы, хоть похоронить по-человечески. Тут озвереешь. Мы ведь тоже, когда часть наша в Баку в осаде была, на лучшее надеялись. Ремни варили от голода, а надеялись. И когда с боем прорывались, стреляли не на поражение, а в воздух, больше для остротки, чтобы под гусеницы не лезли. Только когда по нам огонь открыли, мы в бой вступили. А когда здесь лагерем встали, знаете, сколько атак выдержали! Стольких ребят потеряли, пока не закрепились и пока нас не усилили танками и артиллерией. Самим жрать нечего было, а с местными последним куском хлеба делились. Не понимали тогда, откуда опасность ждать надо. Он тебе в лицо улыбается. А отвернешься – он тебе очередь в спину. У нас на четвёртом блокпосте часовой ночью заснул, так они весь взвод шомполом в ухо... По ночи их головы в лагерь забросали. Меня мои бойцы спрашивают: «Зачем мы здесь? За что воюем?» А я им ответить не могу. Несу что-то про помощь местному населению и долг перед Родиной. Какая к чёрту помощь. Им наша помощь даром не нужна. Мы этому населению землю делить мешаем. А про Родину, это отдельный анекдот. Вы видели, чем нас кормят? Мои бойцы недавно в наряде по столовой стояли. Так вот они мне показали тушу говядины со штампом 1937 года! Вы представляете, сколько раз она в хранилищах замораживалась и размораживалась! Ни вкуса, ни запаха. А махорка – одни палки. Хочешь – кури, хочешь – печку топи. Я про хлеб уже и говорить не хочу. Ребята на блокпостах уже давно сами себе хлеб пекут. Кто кому чего должен: мы Родине, или она нам – это ещё посмотреть надо. Мы здесь не нужны совсем. Все наши потери – бесполезная трата генофонда. Гибнут простые парни, которым ещё семьи создавать и детей производить на свет. А если уж так нужна эта земля нашему СССР, так пусть наших начальничков заменят на толковых командиров и замутят войсковую операцию масштаба республики, а не эти судорожные телодвижения. Ведь нас одной рукой с поводка спускают, другой – на строгий ошейник сажают. Наши начальнички боятся всего, а больше – потерять свои генеральские погоны.

Санька затянулся самокруткой и замолчал.

–Слушай, Санька, а что это за Магомед такой, про которого все вокруг только и говорят?

–А это – всем зверям зверь, – продолжал Санька, мирно прихлёбывая чай, – он откуда-то с севера пришёл со своим отрядом и, в отличие от других, воюет только с нами. Ему до этих междоусобиц дела нет. Мы для него – враг номер один.

Ветер уныло завывал в ущелье и стучался в двери старых заброшенных домов, в которых разместился отряд. Магомед устроился на грязной лавке возле стены и невидящими глазами уставился на забитое деревянным щитом окно. Возле печки суетился адъютант, стараясь разжечь сырые дрова и обогреть это выстуженное помещение. Посты на дальних и ближних подступах выставлены. Осталось только ждать, ещё и ещё раз перебирая в уме те доводы, которые он собирался изложить на встрече с полевыми командирами, работающими в этом районе. Именно для встречи с ними он выбрал этот давно покинутый жителями аул. Встреча должна проходить на нейтральной земле, чтобы ни у кого не возникло желание почувствовать себя хозяином положения. Конечно, он чужак здесь, пришлый с севера, а у других не одно поколение похоронено на этой земле. Однако это психологическое преимущество компенсировалось тем, что именно люди

Магомеда будут обеспечивать безопасность переговоров. Эту встречу Магомед готовил несколько месяцев и очень рассчитывал на неё. Основная задача убедить полевых командиров выступить против неверных организованно, единым фронтом. Сосредоточить координацию и командование объединённых сил. Естественно, в роли главнокомандующего он видел только себя. Во-первых, он обладал определённым опытом и определёнными знаниями в военном деле. Во-вторых, он приехал с определёнными полномочиями, данными ему в штабе повстанческой армии Азербайджана. В-третьих, только его люди, обладающие необходимой выучкой и строгой дисциплиной, могли составить костяк будущей армии и взять на себя обучение остальных. Меньше всего в действиях Магомеда было личных амбиций. О себе он думал меньше всего. Кто он, чтобы думать о себе? Аллах велик и всё в руках Аллаха. Не зря его называли именем пророка. Магомед свято верил в то, что он является карающей рукой Аллаха. И карать он должен именно русских. Вся его жизнь – подтверждение этому. Его жизнь.... Сколько ему пришлось вынести от этих гяуров. Ещё в молодости он понял, что не может быть на этой земле места русским. Русские топтали гордость его страны, диктовали ему, как жить, что выращивать, о чем говорить, во что верить. И Магомед решил посвятить себя борьбе за независимость своего народа. Но для этого нужно много знать. Нужно учиться. Русские добровольно власть не отдадут, поэтому нужно учиться воевать. Он выбрал Рязанское воздушно-десантное училище, как элитное. Ему помогло то, что он, как там говорили, национальный кадр, да ещё отец его ветеран Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов. До поры до времени высовываться было нельзя. И Магомед упорно постигал военную науку, впитывая в себя всё, что ему давали. По окончании училища упекли его конечно, в дальний горизонт, но земляков среди солдат было много. Все молодые, только что призванные, они сразу столкнулись с грубым обращением и пренебрежительным «чурка». Магомед быстро собрал земляков вокруг себя и осторожно повёл подготовительную работу. И через полгода в части работала подпольная организация. Особый отдел сработал чётко. Его взяли прямо в комнате офицерского общежития и долго мурыжили на допросах, не давая ни спать, ни просто прикрыть глаза. От тех допросов до сих пор осталась память: дергающееся веко на левом глазу и неправильно сросшиеся два пальца на правой руке. Никого он не выдал, но за антисоветскую деятельность загремел в лагерь. В лагерях все началось снова:

–Эй, чурка, а ну-ка иди сюда.

–Отвали.

–Я тебя сейчас научу вежливо разговаривать.

Всё настолько просто, настолько по схеме, что и думать не надо. Пол шага назад, пропустить противника на пол корпуса мимо, резким ударом ноги сломать голень, и приложить лицо падающего об свою коленку. Шесть человек двинулись в его сторону. Один из них помахивая перед собой заточкой.

–Ну, иди сюда. Я тебе сейчас кишки на кукан намотаю.

Левой ногой отбивается заточка и правой с вертушки в челюсть. Так, один потерялся и, кажется, не на один месяц. Ну, всё, хватит играть. Магомед плавно, словно нож в масло, вошёл в толпу и, после серии ударов ногами и руками, учить его уже было не кому.

В принципе, в зоне ему жилось неплохо, но зона есть зона. Опять русские виноваты. Кто же ещё? Ничего. Будет ещё время. За всё им оплатит. После зоны Магомеда ждал страшный удар. Мать, не выдержав позора и допросов в КГБ, умерла. Вышел на порог страшно постаревший отец, и проклял его на веки вечные. Проклятые русские. Всё из-за них. Отольётся всё это им кровавыми слезами. Вскоре в Нагорном Карабахе вспыхнул межнациональный конфликт и, почувствовав, что наступает его время, собрал Магомед своих бывших солдат, напали они на воинскую часть, вооружились и ушли в горы. Всем своим бойцам Магомед внушил: враг номер один – русские.

За два дня до рейса напряжение возросло до предела. Толик лихорадочно инспектировал машины, насмерть ругаясь с завскладом автозапчастями за каждую форсунку. Николай доводил своих людей до изнеможения на практических занятиях по тактике. Капитан Спивак, командир второй автомобильной роты, с усмешкой наблюдал за тренировками.

–И чего ты, старлей, над людьми издеваешься? Дай им хоть нормально отдохнуть перед рейсом.

–Да вот именно, что перед рейсом, – горячился Коля, – мы идём в первый рейс. Люди необстрелянные. Да и мы с тобой под огнём ни разу не были. Случись что, нужно будет воевать. А как воевать, если не умеем. Так не долго и людей положить, и самому загнуться.

–Да ладно! С нами боевое охранение пойдёт. Это их задача нас из засады вытаскивать. А если что – я солдатам своим объяснил, как действовать.

–Да это всё туфта! – горячился уже вечером в модуле Санька, – что такое взвод боевого охранения? Двадцать восемь стволов с открытой местности против неизвестного количества духов на хорошо укреплённой и подготовленной позиции. А вас как минимум девяносто шесть. И если твои бойцы в панике не будут метаться между машин, а откроют более-менее организованный огонь, вы боевому охранению во как поможете. А теперь представь себе первый бой, где человека обычно охватывают животные инстинкты. Всё цивилизованное мигом слетает с человека. Вот тут-то и поможет мышечная память, полученная в результате длительных тренировок. И не слушай никого. Тебе твои солдаты после первого боя спасибо скажут! И вообще, расслабься. Поехали-ка лучше на аэродром. У меня БТР «под парами». Только меня дожидается.

–Какой ещё аэродром?

–Да наш! Сегодня два грузовых борта с большой земли прилетели. Там сейчас такой базар начался! Закачаешься.

–Базар? Ты, по-моему, погнал.

–Ты что, не знаешь? Вот темнота. Вот ты сейчас бы водочки вместо спирта макнул бы? А сигарет вместо этой махорки? А где это всё здесь взять? Вот и прилетают добренькие дядилётчики с большой земли, которые, разгрузившись, тут же приступают к торговле самым необходимым. Вот где навар, так навар!

–Тебе что, водочки захотелось?

–Да нет. Вам, мабуте, хорошо. И в ботинках можно ходить. А нам на боевых выходах в ботинках много не находишь. Нога по камню так стучит, за километр слышно. А на сыпучку

попадёшь, прямо к «духам» в объятья въедешь. А с борта можно более-менее неплохие кроссовки купить. Милое дело в горах. Жаль только, что больше одного боевого выхода не держатся. Ну, что, поедешь?

–Нет. Знаешь, ты сам езжай. У меня ещё здесь работы хватает. Скоро рейс.

Санька в спешке дохлебал свой чай и выскочил из модуля. За стеной удалялся топот его ботинок. В модуле сразу же стало одиноко и тоскливо. Письмо домой как-то не писалось. Николай отложил ручку и, вопреки своему правилу не перечитывать написанное, перечитал. Письмо не понравилось. Длинные натянутые фразы, отсутствие чёткой темы. Сплошная фальшь. Письмо безжалостно полетело в «буржуйку». Коля наблюдал, как пламя, словно с опаской, хватануло бумагу по краям. Затем смелея прорвалось по центру и, вконец обнаглев, жадно пожрало письмо. Секунда, и только кусочек пепла напоминал о том, что здесь когда-то горели чьи-то мысли. Пришёл Толян.

–Толик, ты не боишься?

–Боя то? Ещё как боюсь. А прикинь, если мы с тобой облажаемся.

–И не говори. Я этого больше смерти боюсь. Позору то сколько. Да и пацанов тогда положат уйма.

–Это почему?

–У нас в гарнизоне солдат с автоматом с караула сбежал. Нас на прочёсывание отправили. Все с оружием, как положено. Развернулись в цепь и идём. Время прошло, я оглянулся, а солдаты за моей спиной в кучку сбились, как бараны. Я им объясняю, что нужно распродоточиться, чтобы одной очередью всех не срезало. Они головой кивают, а только отвернулся – они опять за спиной в кучу. Тогда я и понял древнюю поговорку о том, что лучше лев во главе стада баранов, чем баран во главе стаи львов.

–Это ты к чему.

–Да к тому я, Толик, что солдат только когда спокойно такой борзый и самостоятельный. А в случае опасности он что баран. Ему вожак нужен. Он тогда на офицера как на бога смотрит. И наша задача в ближайшем бою не обделаться, а постараться соответствовать. Разговор дальше не клеился. Каждый прекрасно понимал, что через два дня предстоит первый рейс по военным дорогам. Чем он закончится – одному богу известно. Легли спать, но сон не шёл. Первый рейс и, возможно, первый бой. Как они поведут себя в этом бою? Что предстоит им испытать? Чем закончится этот бой? Вопросы, вопросы, вопросы... Последние дни, как во сне. Автоматически выполняется всё, что необходимо сделать, а в нутрии, словно тугой комок, не дающий разогнуться и полной грудью вдохнуть свежего морозного воздуха. Что там впереди? Кто ответит?

–Вот такая у нас оперативная обстановка на сегодняшний день, – Батя хлопнул ладонью по столу, как бы придавая своим словам больше весомости. Вокруг стола сидели командиры рот, что-то отмечая на своих картах, – участки, взяты под контроль, однако двигаемся мы очень медленно. Ещё, звонили разведчики. Говорят, что на нашем участке Магомед развил нешуточную активность. Хочет под своим началом всех полевых командиров объединить.

–Этого нам только не хватало! – вскинулся капитан Прошин, начальник штаба, – нам от него одного хлопот полон рот, а если они все объединятся, тогда вообще свистопляска начнётся.

–А что наши доблестные командиры рот делают? Вы там в поисках пикники устраиваете, что ли? Эмиссары Магомеда чуть ли не у вас по головам ходят. Вы представляете, сколько времени ему потребовалось, чтобы уговорить всех полевых командиров на встречу! И где она, по-вашему состоится?

–А почему мы говорим о какой-то встрече? – поднялся командир второй роты, – где вероятность, что ему удалось их всех уговорить? Полевые командиры – люди недоверчивые.

–Встреча будет. Это точные данные, и мы должны исходить из этого. Мне нужна точная информация. И лучше будет, если она попадёт мне на стол от вас. Другого такого щелчка по носу от разведчиков я не вынесу. Всех вас в мабуту отправлю. Вон, у нас автобат сформировали. Все туда пойдёте гайки крутить. И ещё. Магомед Магомедом, а про других тоже не забывайте. Вопросы ко мне? Нет вопросов? Тогда все свободны.

Офицеры встали из-за стола и, негромко переговариваясь, потянулись к выходу. Комбат смотрел на ротных, столпившихся у двери, и думал. Не слишком ли много взвалил он на свои плечи в свои тридцать шесть лет? Командовал бы простым воздушно-десантным батальоном, делал бы то, что приказывают, разумно бы рисковал жизнью, но отвечал бы только за своих подчинённых. А сейчас он – одна надежда этой сводной дивизии, спешно созданной на базе мотострелкового полка. Только его батальон может противостоять хитрости, изворотливости и жестокости этих банд. Особенно банде Магомеда. Каждая засада, каждая находка растерзанных пленников солдат ложится на совесть бати тяжёлым камнем. Однако в него верят. От него ждут действий. И вновь он садится за карту района и приступает к затянувшейся шахматной партии, где вместо фигур люди, а соперников у него несколько.

Батя глянул на карту. Кое-что они сделать сумели. Оседлали несколько ключевых перевалов, взяли под контроль некоторые участки, сковав этим передвижения «духов». Практически, они оттеснили банды выше в горы. Но кордон ещё недостаточно плотный. Духи мелкими партиями просачиваются в долину и успевают организовывать засады, уничтожать колонны и нападать на блокпосты. Работы впереди много. Тем более, что наступают зима. К самым холодам необходимо блокировать духов в горах. Там, без еды и пополнения они долго не продержатся. Это его ребята выбивают банды с насиженных мест. Это они занимают перевалы и устраивают шорох в тылу у духов, не давая им нагуливать жир. Потом уже на подготовленные места садится пехота. Уже потом мотострелки оборудуют на основных направлениях неприступные укрепления и устанавливают минные поля. Но основная черновая работа ложится на его бойцов. Он всегда гордился своим детищем – батальоном спецназа. Он из простых увальней делал героев. Да-да, именно героев. Каждый из них не раз побывал в бою, когда на одного бойца приходилось по три-четыре духа. И выходили победителями. Эти восемнадцати– девятнадцати летние пацаны вступали в единоборство с тридцати-сорока летними здоровыми мужиками, имеющими достаточно большой опыт боевых действий, нередко ходили в рукопашную и уже успели обрасти легендами. Это о них рассказывали были и небылицы в курилках лагеря, да и не только этого лагеря. Однако не только успехи боевых операций волновали комбата. Он ждал бойцов с каждого боевого выхода, уже на дальних блокпостах спрашивая по рации: нет ли среди них раненных или убитых. И каждое ранение было его ранением, каждая смерть была его смертью, и не могло быть иначе.

–Магомед, зачем ты организовал встречу здесь, в этом заброшенном ауле? – произнёс рыжебородый Муса, поправляя гранату на щегольском разгрузжилете натовского образца,

–разве ты не знаешь, что в наших краях все дела начинаются с дастархана? Ты чужой в этих краях, но ты наш единоведец. Если тебе негде нас встретить, мы бы могли собраться в каком-либо нашем ауле. По крайней мере, можно было бы рассчитывать на шашлык из молодого барашка.

Магомед обвёл тяжёлым взглядом собравшихся полевых командиров, кружком рассевшихся на грязной кошме и брезгливо поморщился.

–Я воин, а не политик и не привык устраивать пышные приёмы. Мы собрались здесь по делу, а барашков ваших вы и без меня съедите в своих аулах.

Восемь пар глаз смотрели на Магомеда. Муса озадаченно ковырял ногтем кошму. Джаба запустил руки в свою редкую бородёнку, а Мамед нервно щипал усы.

–Что ты хочешь?

–Во имя Аллаха великого и милостивого ведём мы с вами эту войну с неверными. Однако наша борьба могла бы быть более успешной. Что вы делаете? Священную цель вы разменяли на простой разбой. Вы ведёте себя как обычные мешочники! У нас должен быть один враг – русские.

–Ты сильно перегибаешь, брат, – возразил Али, рябой мощный сорокалетний мужчина с лопатообразной бородой, – мы ведём войну за свою землю, которую у нас хотят отобрать армяне. Вот наш кровный враг. А русские просто мешают нам закончить уже начатое. Если бы не они, давно бы уже ни одного армянина не было бы на земле наших предков. И почему это мы не можем поживиться за счёт армян – наших кровных врагов?

–Да как вы не понимаете, что армяне – только следствие. А причина в русских. Это они поработили наш народ. Это они дали возможность селиться армянам на вашей земле. Вот он, корень зла. А вы распяляетесь на дешёвые налёты на армянские сёла и мелкие пакости вроде бездарных засад, да ещё между собой цепляетесь за зоны влияния.

–Ну, допустим, ты прав и русские – корень всех наших бед, – вмешался Джаба, – Но как ты представляешь себе войну против регулярной армии? Я слышал, что ты с севера пришёл сюда раны зализывать именно после столкновения с русскими. Сколько человек ты сохранил из отряда, Магомед?

–Да, я тогда потерпел поражение. Но почему? Потому, что там мы действовали каждый сам по себе. Точно так же, как и здесь. Нас и перебили поодиночке. Я не хочу опять наступать на одни и те же грабли. Аллах велик, и во имя аллаха я предлагаю вам объединиться под единым командованием и впредь координировать наши действия.

Перед тем, как прийти сюда, я был в Баку в штабе повстанческой армии. Там серьёзно обеспокоены разобщённостью сил на всём театре военных действий. Я привёз оттуда полномочия по созданию южного фронта борьбы с неверными.

–То есть ты уже назначил себя командующим над всеми нами? – у Мусы вспыхнули глаза над тонким орлиным носом, и он сразу стал похож на коршуна, – а с чего ты решил, что мы решим тебе подчиниться?

–У меня есть связь со штабом в Баку, я умею воевать лучше вас, мои люди прошли войсковую подготовку и половина из них бывшие десантники. Чем не причины для того, чтобы возглавить сопротивление?

–Ты, чужак, посмел сказать, что воюешь лучше, чем я? – вскинулся до поры молчавший Рахмун, – да я практически не несу потерь на протяжении уже полутора лет! А ты свой отряд ещё на севере растерял.

У Магомеда потемнело в глазах от такого удара. Это был, как говорят в спорте, запрещённый приём, ведь Магомед и сам тяжело переживал утрату своего отряда. Такого костяка ему больше не собрать.

–Ты людей не теряешь, потому, что ещё ни одного стоящего боя не провёл. Только и знаешь, что по кустам отсиживаться да на мирных армяшек нападать!

–Меня ещё никто трусом не называл. О своих словах ты ещё пожалеешь, – прошипел в лицо Магомеду Рахмун и выскочил за дверь. Мгновение спустя цокот копыт возвестил о том, что Рахмун покинул аул. В хижине повисла тяжёлая тишина, которую, наконец, прервал Муса.

–Ты зря Рахмуна обидел. Он самый уважаемый в нашем краю. Ты чужой, а к нам пришёл со своими порядками. Если так будет продолжаться дальше, лучше уходи назад.

–Да как вы не поймёте, что наша сила в организованности. Мы должны действовать как отлаженное воинское соединение. Только так мы добьёмся своей цели. А вы со своими междоусобицами только губите себя.

–А почему мы должны тебе верить, Магомед? – вдруг подал голос Икрам, бывший начальник районной милиции. – Обычаев наших ты не соблюдаешь, уважаемых людей в грош не ставишь, лезешь в великие командиры. Говоришь, полномочия у тебя от штаба? Я слышал,

что этот штаб на одной улице с командованием Закавказским военным округом находится. Чуть ли не через дорогу. Где вероятность, что это не подстава?

– Вы мне не верите? – изумился Магомед, – я жизнь свою на борьбу против гяуров положил, а вы мне не верите!

Магомед задохнулся от злости, подбирая слова, и тут в дали раздались беспорядочные автоматные выстрелы и далёкие разрывы гранат. Все застыли, и в полной тишине из радиации Магомеда донесся доклад дальнего дозора.

– Люди Рахмуна напали на спецназовцев. С боем уходят. Что делать?

– Наблюдай за боем, себя не обнаруживай.

Полевые командиры встревожено поднялись и поспешили на выход.

– Ещё одно непонятное совпадение, – задержался возле него Икрам, – ты говорил, что место встречи выбирал тщательно? Тогда откуда здесь спецназ? А не решил ли ты нас с потрохами русским сдать?

Не дожидаясь ответа, Икрам твёрдым шагом вышел из дома.

Полевые командиры разъехались, Рахмуну помощь не понадобилась, да и Магомед не горел особым желанием обнаруживать себя. Ему была необходима передышка. Хоть пару дней покоя, чтобы осмыслить своё дипломатическое поражение.

– Трусливые шакалы! – воскликнул Магомед в сердцах, – неужели великое дело погибнет из-за каких-то мелких амбиций?

Да, поражение было сокрушительным. Несколько месяцев подготовки, предварительных переговоров – всё насмарку.

Утро было достаточно хмурым для первого рейса. Закутанный в бушлат дежурный по КПП равнодушным взглядом проводил колонну, закрыл ворота и поспешил в дежурку, поближе к тёплой буржуйке. Рейс начался без осложнений, дорога бесконечной лентой ложилась под колёса гружёных КамАЗов, за окнами проплывали неприветливые горы, а печка в кабине навевала дремоту. Ближе к полудню колонна встала из-за небольшой поломки. Толик метался туда-сюда, изрыгая фонтаном ненормативную лексику. Наконец, как говорится в анекдоте, с помощью кувалды и какой-то матери, ремонт закончился, и колонна двинулась дальше. Когда, пройдя поворот, головная машина словно подпрыгнула на месте. А потом окуталась огненным шаром, Николай не сразу понял, что произошло. Однако, секунду спустя, выйдя из ступора, он рванул на себя дверцу кабины и, на ходу передёргивая затвор автомата, вывалился из кабины. Вокруг внезапно загрохотало. Воздух словно наполнился мириадами гудящих шмелей. В груди противно заныло. Вспомнилось, как в школе он дрался с пацаном из соседнего двора на потеху мальчишкам. Было точно такое же чувство досады на себя, что дал втравить себя в эту историю, ощущение, что уже ничего нельзя вернуть и страх опозориться перед двором. Подавив в себе этот букет ощущений, с трудом сглотнув комок, внезапно возникший в горле, Николай почувствовал прилив возбуждения, отрезвивший его и заставивший ясно работать голову. Дав из-за колеса наугад длинную очередь, Коля перемахнул открытое расстояние между машинами и двинулся к голове колонны. Под передней машиной короткими экономными очередями вёл огонь сержант Аликеев.

– Куда долбишь? – стараясь перекричать шум, спросил Николай.

– Вон там, видите, гряды проходят вдоль склона. Вон там они и окопались.

– Молодец. Смотри поосторожнее. Не высывайся особо.

Где-то кто-то истошно закричал. Николай опять проскочил открытое пространство. Ухо уже привыкло к шуму боя, и Коля стал различать в этой какофонии отдельные звуки. Вот басом пророкотал крупнокалиберный пулемёт переднего БТРА, заработал и БТР из середины колонны, а вот задний молчит почему-то.

– Надо организовать оборону, постреляю потом, – вслух, сам себе сказал Николай и вновь двинулся вдоль колонны, раздавая команды, успокаивая запаниковавших, а где и кулаком

приводя в себя особо невменяемых солдат. На изгибе дороги он оглядел колонну и понял, почему молчит задний БТР. Из развороченной брони в небо выбивался огромный столб дыма, сквозь который проблескивало время от времени пламя. По склону вниз зигзагами спускались фигурки людей, казавшиеся с такого расстояния не больше божьей коровки. Коля прицелился и выстрелил в одну из них. Ощущение нереальности не покидало его. Что-то неуловимо походило на стрельбу в тире. Ах да, в тире тоже стреляют по маленьким фигуркам и так же ждут, когда она упадёт. Только там стреляют из воздушки пулями, а не боевыми патронами, да и фигурки из жести, а не из плоти и крови. Мысли металась в голове, наскокивая одна на другую, сталкиваясь и опять разбегаясь в разные стороны. Хотелось вспомнить что-то умное из того, чему учили на кафедре тактики, но, как назло, ничего путного в голову не лезло. Время слилось в одну тягучую резиновую ленту без начала и конца. Казалось, даже понятие секунд, минут и часов растворилось в жарком пекле боя. Бросок вперёд, пережат, очередь, команды бойцам и опять бросок, пережат... Где-то в середине колонны наткнулся на Толика, вытаскивающего за шкуру из-под колеса командира второго взвода – плюгавенького, рано начинающего лысеть прапорщика. После хорошего пинка прапорщик вскинул автомат и, зажмурившись, послал в белый свет как в копеечку длинную очередь. «На этом фланге всё в порядке» – подумал Николай: «У себя тоже оборона, вроде, организована. Пора и самому повоевать». Пыхтя и отдуваясь, рядом плюхнулся на живот командир взвода боевого охранения, кажется Дима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.